

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЛИЧНОСТИ И НАЦИИ  
В РОМАНЕ А. Х. ТАММСААРЕ  
«Я ЛЮБИЛ НЕМКУ»  
(роль русской литературной традиции)\*

ЛЕА ПИЛЬД

«Развитие» (медленное протекание исторических и индивидуально-психологических событий во времени) — это одно из центральных понятий в художественном мире и историософии эстонского писателя А. Х. Таммсааре (1878–1940), которое писатель противопоставляет катаклизмам, катастрофическим событиям.

Столь же важным оказывается для Таммсааре романский жанр, в котором *развитие* персонажей становится смысловой и сюжетной доминантой. Черты «романа воспитания» прослеживаются, в первую очередь, в пенталогии «Правда и справедливость» (1926–1933) (линия Индрека). Некоторые литературные критики обращали внимание на следы этого жанра в структуре романа «Жизнь и любовь» (1934) (об этом см., напр.: [Annist: 16]). Однако эта особенность еще не отмечалась интерпретаторами романа «Я любил немку» (1935). С нашей точки зрения, и в этом произведении отразились некоторые черты названного жанра<sup>1</sup>.

---

\* Работа выполнена в рамках темы целевого финансирования «Рецепция русской литературы в Эстонии в XX в.: поэтика и интерпретация перевода» и в рамках гранта ЭНФ № 7901 ««Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе».

<sup>1</sup> По-видимому, Таммсааре имел представление об истоках жанра романа воспитания («развития») в собственном творчестве. Например, во второй части «Правды и справедливости» довольно большое место занимают размышления Индрека и Рамильды о

Во многих литературно-критических статьях (см., напр.: [Urgart; Hubel]) и научных исследованиях [Siimisker: 203–204; Teder] в образе главного героя интересующего нас романа подчеркиваются неизменность и неподвижность; акцентируется зависимость персонажа от среды или же его человеческие слабости (герой отчасти стыдится своего эстонского происхождения).

Такое понимание характера предполагает, что он не меняется на протяжении всего произведения. Отметим, однако, что Оскар, главный персонаж романа «Я любил немку», не просто страдает от комплекса неполноценности в связи со своей национальностью, но одновременно преодолевает его, превращаясь по мере развития действия в писателя, автора художественного произведения, в котором отражено его духовное развитие<sup>2</sup>.

Еще до начала любовного романа с Эрикой, во время обучения Оскара в университете, в его поведении обнаруживаются те отличительные особенности, которые можно считать проявлением внутренней ущербности: ориентация на немецкую (остзейскую) культуру, забвение своих национальных корней, переоценка современной цивилизации, безволие (см., об этом, напр.: [Teder: 201–203]). Любовь к Эрике постепенно

Гете, роман воспитания которого «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796) был, безусловно, знаком писателю.

О специфике и значении этого жанра в западноевропейской литературе см.: [Бахтин: 199–250].

<sup>2</sup> Специфика жанра и композиции романа (создатель текста — герой, а не автор) может быть связана с негативным отношением литературных критиков к главному герою романа Таммсааре «Жизнь и любовь», а также к *жанру* этого романа. Критики обвиняли Таммсааре в излишней близости образа Рудольфа Икка к самому автору, а сам роман — в «фельетонности». Ср.: «Поскольку событийный и психологический узел в романе “Жизнь и любовь” находятся в зависимости от “фельетонного” персонажа Икка, то и сам роман становится фельетонным» [Tuglas: 288]. Здесь и далее перевод литературно-критических и публицистических статей — мой.

приводит к изменениям в духовном мире Оскара: герой начинает рефлексировать — переживать сложный процесс внутреннего раздвоения, расщепления.

Внутреннее раздвоение персонажей изображается и в других сочинениях Таммсааре, прошедшего школу художественного психологизма Достоевского (ср., напр., борьбу Индрека с самим собой в четвертой части «Правды и справедливости», рефлексию Рудольфа в «Жизни и любви» и т.д.). Произошедшие с Оскаром изменения — это результат мучительного самоанализа: полюбив Эрику, он становится способным к самокритике и глубинному пониманию собственного комплекса неполноценности на национальной почве. «Неполноценность» проявляется, например, в том, что пытаясь оценить свое чувство к *немке* Эрике, герой сравнивает себя с «волком», который «воет на луну» и не верит в ответное чувство девушки: «Меньший может любить большего, низший — высшего, но не наоборот. Волк воет на луну, но луна до сих пор ни на одного волка не выла, таков закон жизни» [Таммсааре: 234].

Нет никаких оснований считать, что критическое отношение к своим прежним взглядам на жизнь появилось у Оскара *до* влюбленности в Эрику (можно только предположить, что оно существовало тогда на уровне подсознания)<sup>3</sup>. Одновременно с ощущением собственной неполноценности раскрывается вторая сторона мира души главного героя: он испытывает искреннее и бескорыстное чувство к бедной гувернантке дворянского (остзейского) происхождения. Оскар полностью отдается своей любви, ему даже в голову не приходит изменить своей возлюбленной. Но глубина любовного чувства почти ничего не значит в его собственных глазах. Увидеть свет люб-

<sup>3</sup> Героиня романа Эрика размышляет о любви как непосредственном импульсе изменения («развития») душевного мира: «...на свете есть лишь одна вещь, которая нас развивает, — любовь. Теперь я знаю это и ни в чем не упрекаю Вас» [Таммсааре: 385]. Оскар подчеркивает ту же мысль, рассказывая о начальных стадиях своей любви: «...моя любовь, по-видимому, была еще далеко не свободна от эгоизма» [Там же: 319].

ви в своей душе и признать его ценность герою мешают мучительные размышления о собственном «низком» происхождении, «эстонскости».

Второй непосредственной причиной, изменяющей внутреннее состояние Оскара и обуславливающей его нравственное развитие (совершенствование), становится *писание романа*. Он начинает создавать роман после того, как Эрика его бросает, но до получения рокового письма (до смерти Эрики).

Главный герой превращается в писателя после того, как теряет место чиновника в департаменте<sup>4</sup>. В связи с этим еще более углубляется и становится многогранной его способность к самоанализу. В то же время продолжается упомянутый выше процесс «расщепления» внутреннего мира. Драматическое содержание автобиографического романа, который пишет Оскар, находится в явном противоречии с окружающим его «литературно-бытовым» контекстом и обусловленным им поведением Оскара. Стремясь превратиться в современного писателя, он пытается согласовать свой образ жизни с требованиями обстоятельств, как это делал, учась в университете. Участие в корпорации заменяется богемным образом жизни (т.е. герой вновь подчиняется требованиям «среды»):

Однако моей «богеме» способствовало еще и неизвестно где заимствованное убеждение, будто для того, чтобы стать писателем — а я этого в то время хотел, — непременно надо быть бездомным, то есть проводить свое свободное время где угодно, только не у себя дома [Таммсааре: 360].

Душевное раздвоение проявляется в мучительных переживаниях, но Оскар не способен к подлинному противоборству с самим собой (в отличие от Индрека в «Правде и справедливости»). Мы можем предположить, что герой кончает жизнь самоубийством, хотя прямо об этом в романе не говорится.

---

<sup>4</sup> Это обстоятельство позволяет говорить о возможной отсылке к повести Достоевского «Бедные люди» (1846), в которой «маленький человек» (мелкий чиновник) Макар Деушкин переживает значимые внутренние изменения в ходе *переписки* с Варенькой Доброселовой.

Есть основания полагать, что Таммсааре усматривает в своем герое тип «лишнего человека»<sup>5</sup> — образ, восходящий к русской литературной традиции XIX в. Для подтверждения этой мысли стоит обратиться к некоторым другим текстам Таммсааре, а также проанализировать глубинные уровни романа, выделяя в нем реминисценции из русской классической литературы XIX в.

Как известно, Таммсааре в первой половине 1930-х гг. довольно много пишет о проблемах национальной жизни и культуры<sup>6</sup>. Средоточием публицистических размышлений писателя становится, в частности, сравнение различных европейских наций и культур (а также разных национальных идентичностей). Важное место уделяется оценке немецкой и русской наций, сопоставлению эстонского, немецкого и русского национальных характеров.

Так, например, в статье «О культуре и демократии» (1933) Таммсааре утверждает:

Неужели у России, кроме лени и безделья больше нечему учиться? Но ведь в России встречаются умы, которые в течение полувека оказывали воздействие если не на весь мир, то, по крайней мере, на всю Европу. Если Европа, перед которой мы вечно лебезим, переняла у России что-то хорошее, то почему же

<sup>5</sup> В романе находим косвенный намек на *ненужность* главного героя. Ср.: «Мало того, я прибегал и к помощи писем — мне хотелось, наконец, выяснить, неужели в целой Эстонии не найдется места всего лишь для одного человека, который к тому же готов сократиться до минимума, даже локти в себя вобрать. Но в Эстонии места для меня не нашлось, во всяком случае на срок более или менее продолжительный» [Таммсааре 1968: 358].

<sup>6</sup> Первые рецензенты романа также считали основной темой этого произведения Таммсааре тему национальную. Ср.: «Хотя любовный роман как таковой представляет собой самостоятельную ценность, идейная сложность этого произведения заключается в том, что в связи с изображенными здесь взаимоотношениями между двумя юными персонажами и двумя нациями подчеркивается проблема культуры, существенная для всей нашей нации» [Raudsepp: 1151].

мы не можем этого сделать? Точно так же обстоит дело с Германией. Разве кто-нибудь считает, что нам нечему было поучиться у немцев в прошлом, и мы не можем ничего хорошего перенять у них сейчас? Мы могли научиться кое-чему хорошему даже у остзейцев, но все же, в первую очередь, усваиваем их слабости [Tammisaare 1990a: 26].

По мнению главного героя романа «Я любил немку», эстонские студенты (как и все другие эстонцы) подражают остзейским немцам во всем, даже копируют недостатки немецкого «национального духа»:

Мы отобрали у баронов их поместья и теперь спешили перенять и образ жизни, который царил в этих поместьях <...> Мы изо всех сил старались усвоить традиции, обычаи, образ жизни, мировоззрение их недавних владельцев — все этическое и эстетическое отношение к окружающей действительности [Таммсааре: 186].

Ср. также:

Что касается нас, таким полем, такой обетованной землей нам казался университет, вернее, не сам университет, а то, что с ним связано, что является его атрибутами: самостоятельность, свобода, возможность действия по своему усмотрению, даже в тех случаях, когда вопрос касается бездельничанья и разгульной жизни [Там же: 26].

Взаимосвязь душевного мира Оскара с исторически обусловленными «слабостями» немецкого национального духа («духовная дряблость») показана в романе на сюжетно-фабульном уровне. На более глубоких уровнях структуры романа обнаруживается сходство главного героя с «лишним человеком».

Об этом типе в русской литературе XIX в. Таммсааре писал в нескольких своих статьях. Наиболее концептуальной интерпретацией названного образа следует считать размышления писателя в неопубликованном при жизни эссе о Достоевском («*Sissejuhatuseks*», 1924)<sup>7</sup>:

<sup>7</sup> Об отражении творчества Достоевского в произведениях Таммсааре см., напр.: [Sillaots: 128; Siimisker: 47; Ligi: 1732; Undusk: 495; Grišakova: 80–86; Vene: 345–356].

В Ставрогине проявляется в измененном виде столь знакомый характер, который Лермонтов называет Печориным, Пушкин — Евгением Онегиным, Гоголь — Тентетниковым, Тургенев — Рудиным. В нем заключены бесконечные возможности, но у него нет воли, и из него ничего не выходит. В нем борются противоположные силы, которые уничтожают друг друга и парализуют действие [Tammsaare 1988a: 642].

Далее Таммсааре подчеркивает, что русские интеллигенты («лишние люди»), «оставаясь чужими для родины и народа, теряли понимание о ней, связь с ней» [Там же: 643].

В период создания романа «Я любил немку» Таммсааре переводит на эстонский язык роман Гончарова «Обломов» и пишет к нему предисловие (1934)<sup>8</sup>. Здесь он снова возвращается к проблеме «лишнего человека». К перечисленным в эссе о Достоевском образам «лишних людей» он добавляет Обломова, обращаясь при этом к статье Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?» (1859):

Образ Обломова не стоит в русской литературе особняком. Как раньше, так и позже там можно найти родственные ему души. «Давно уже замечено, что все герои замечательнейших русских повестей и романов страдают оттого, что не видят цели в жизни и не находят себе приличной деятельности» (Добролюбов). «Они бездельничают, заедают чужой век, говорят и чувствуют себя лишними в мире. Они лишние, непотребные люди». Этим духом времени или породы заражены Печорин Лермонтова, Онегин Пушкина, Чацкий Грибоедова, Тентетников Гоголя, Рудин Тургенева и многие другие [Tammsaare 1990b: 384].

Здесь, в отличие от эссе 1924 г., в котором Таммсааре (в духе русской радикальной критики 1860-х гг.) говорит о безволии и противоречивости мира психики «непотребных» людей, подчеркивается их «безделье», потому что теперь писатель склоняется к истолкованию душевной дряблости и лени русских

<sup>8</sup> См.: [Tammsaare 1990b: 381–388]. Интерес к Гончарову у Таммсааре был, возможно, обусловлен мыслью о том, что все три романа писателя («Обыкновенная история» 1847; «Обломов» 1859; «Обрыв» 1869) связаны с жанром романа воспитания. См. об этом: [Краснощекова].

как свойств их «породы» (а не как «наследия» крепостного права):

Некоторые надеются, что обломовщина может быть уничтожена работой поколений <...> Трудно поверить, что труд может изменить породу — напротив, свойства породы обуславливают характер труда и его разновидности [Tammsaare 1990b: 385–386].

Что заставляет писателя сопоставлять характеристики трех национальностей? Один из возможных ответов на этот вопрос заключается в том, что интерес Таммсааре к типологическому сравнению ментальностей и материальных культур разных наций, по-видимому, был стимулирован книгой Освальда Шпенглера «Закат Европы» (1918–1922), которую писатель реферировал в 1925 г. [Tammsaare 1988b: 526–548].

Следуя учению Шпенглера о культурах как организмах, Таммсааре разделяет национальности на «стареющие» и «юные»<sup>9</sup>. В статье «“Закат Европы” Освальда Шпенглера» Таммсааре обратил внимание эстонского читателя на шпенглеровское истолкование тенденций культурного развития в России:

Шпенглер не причисляет Россию к западным культурам. Петр Великий пытался ее туда протащить, но это произошло насильственно и противоестественно. <...> России еще только предстоит развиваться, и она будет развиваться, побуждаемая самобытной душой [Там же: 546].

К “молодым” нациям принадлежат, по Таммсааре, и немцы, не говоря уже об эстонцах — писатель включает эстонскую культуру в число «начинающих свое развитие» (“algavad kultuurid”) [Tammsaare 1990c: 184]. Представление об исторической молодости некоторых национальных культур, возможно, и

<sup>9</sup> Со многими идеями Шпенглера Таммсааре, тем не менее, не соглашался. Так, например, он стремился *анализировать* особенности развития национальных культур — в противовес Шпенглеру, утверждавшему, что культуры замкнуты в отношении друг друга и рационально не познаваемы (отметим, что тема «Таммсааре и Шпенглер», несомненно, нуждается в более глубоком и детальном исследовании).



побудило Таммсааре к рефлексии о типологических параллелях в их развитии. Разумеется, более всего писателя интересовало будущее эстонцев; он был возмущен как последствиями революции в России, так и приходом к власти нацистов в Германии. В обоих случаях были установлены политические диктатуры, культурные истоки которых Таммсааре видел в одностороннем развитии интеллектуального начала в эпоху современной цивилизации<sup>10</sup>, а также в радикализме политического поведения молодых наций<sup>11</sup>.

В России носителем интеллектуального начала была интеллигенция (те же лишние люди), которая в течение многих десятилетий существовала в отрыве от народа (российского крестьянства)<sup>12</sup>. Такая опасность (расщепление нации как целого) может угрожать, по мнению Таммсааре, и эстонцам, поскольку

---

<sup>10</sup> Ср.: «Тем не менее, ведь Германия как будто была страной философов и ученых. Но, возможно, именно поэтому здесь все и должно было закончиться национальным безумием» [Tammsaare 1990d: 18].

<sup>11</sup> Ср.: «Мы крайне нуждаемся в рассудительности французов и деловитости англичан, даже если их доставят нам вместе с вином, духами или “извечной” трубкой. В противном случае мы действительно можем придти к заключению, что капризные и безрассудные прыжки русских и немцев от одной крайности к другой — это и есть политическая культура» [Tammsaare 1990a: 30].

<sup>12</sup> Так, например, Таммсааре писал, соглашаясь со Шпенглером и цитируя его: «Русское общество больших городов со всей его заимствованной культурой и литературой, национальной экономикой и стремлением исправить мир не знакомо и непонятно архаической (первозданной) России. Народу нечего с этим делать, потому что все это принадлежит “обществу”». «Если первым деянием Антихриста была постройка Петербурга, то самоуничтожение появившегося под влиянием Петербурга общества — вторым: так это должен понимать крестьянин. Потому что и большевики — это не народ, даже и не часть его. Большевики — это низший слой “общества”, чужой и ориентированный на Запад, как и само это “общество”» [Tammsaare 1988b: 547].

ку эстонская интеллигенция все более отдаляется от культуры своих предков (крестьянской культуры), забывает ее<sup>13</sup>.

Кроме Гончарова, существовал еще и другой русский романист, явно интересовавшийся Таммсааре, также акцентировавший в своих сочинениях молодость русской нации, лишь недавно вступившей на путь подлинно исторического развития.

В романе «Я любил немку» есть реминисценции, отсылающие к романам и повестям Тургенева о лишнем человеке. В отличие от Гончарова, Тургенев уделил довольно много внимания анализу самоценного интеллектуального начала, не согласованного с чувствами, — теме, особенно привлекавшей Таммсааре в 1930-е гг.<sup>14</sup>

Герой романа «Я любил немку» Оскар, подобно тургеневскому Рудину в интерпретации Таммсааре, не способен справиться со своей жизнью и любовью — ему не хватает воли и решительности для совершения поступков, а его представления о жизни лишены зиждательной связи с национальными «корнями», родной культурой. Поведение же героини романа Эрики вполне отчетливо напоминает поступки Елены из романа «Накануне» (1860): героиня Таммсааре принимает решение «бежать» вместе с Оскаром.

Еще более существенна связь романа Таммсааре с повестью Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850), которая, как хорошо известно, была написана в период разочарования писателя в романтической культуре и теоретических построениях немецкой классической философии. Тургенев изобразил, как исказился под воздействием всех этих идей душевный мир русского дворянина, уклонился в сторону однобокого интеллектуализма (рационализма), индивидуализма и отрыва от реальной жизни. (В публицистике 1920–1930-х гг. Таммсааре

---

<sup>13</sup> Ср. размышления Оскара после беседы со старым бароном, весьма недоверчиво отнесшимся к своему собеседнику: «Не потому ли, что барон полагал, будто настоящий эстонец относится к жизни серьезнее, чем отношусь к ней я, и в связи с этим заслуживает несравненно большего доверия, в особенности в трудные моменты жизни?» [Таммсааре: 293].

<sup>14</sup> Ср. критику интеллектуализма Таммсааре в статье [Annist: 5–21].

предостерегает эстонскую интеллигенцию именно от крайностей рационализма и индивидуализма).

С «Дневником лишнего человека» роман Таммсааре связывают, в первую очередь, некоторые общие жанровые особенности («роман» Оскара — это не «дневник», хотя некоторые исследователи и называли его именно так<sup>15</sup>, но к жанру «дневника» сочинение Оскара приближается благодаря своей исповедальности<sup>16</sup>) и жизненная ситуация, обуславливающая в романе появление литературного произведения. Оскар начинает писать роман о себе, потому что это единственный способ утверждения своего «я», самореализации. Герой стремится посредством самоанализа приблизиться к постижению происходящего как в собственной душе, так и в окружающей жизни. Тургеневский персонаж с комической фамилией Чулкатурин, терпит, подобно Оскару, поражение в любви.

Сходно представлены в обоих произведениях и результаты литературных опытов — писание дневника Чулкатуриным и создание романа Оскаром. Как Оскар, так и тургеневский «лишний человек» меняются в процессе сочинения собственного текста: они вынуждены отдалиться от жизни (уйти из нее), но их внутренний мир становится гораздо более многоплановым, а ощущение реальности более ясным и трезвым, чем до создания дневника/романа. Ср.:

Хорошая учеба развивает в людях чувство порядочности, а мы росли в эпоху, когда все старались жить таким образом, будто слово «совесть» затесалось в наш язык по ошибке, и эту ошибку необходимо по возможности скорее исправить [Таммсааре: 179];

Разумом я не только оправдываю, но и одобряю раздел поместий, но душа моя, так же, как души моих сверстников и сверстниц, повидимому, все еще судорожно за них цепляется [Там же: 188];

Конечно, мне, вероятно, <sic!> и в голову не пришло бы задавать такие вопросы в те времена, когда я был еще студентом, но

<sup>15</sup> Ср.: «Влюбленность двух молодых людей друг в друга, углубление их чувств дневник раскрывает с выдающимся литературным мастерством» [Teder: 199].

<sup>16</sup> «Исповедальным романом» назвала произведение Таммсааре Х. Сиймискер [Siimisker: 203].

теперь дело другое. В те времена я еще не познал любви и не пытался писать о ней романа, — может быть, именно любовь и возбудила во мне те самые мысли и вопросы, которые я только что изложил [Таммсааре: 191].

Третье произведение Тургенева, функция которого в романе несколько иная по сравнению с упомянутыми выше «Рудин» и «Дневником лишнего человека», — это «Фауст» (1856). Образ «лишнего человека» здесь существенно модифицируется. Главного персонажа этой повести ни Тургенев, ни современные ему литературные критики не считали «лишним»: как и его литературные предшественники, герой не достигает счастья в любви и в довершение ко всему невольно становится причиной смерти возлюбленной (ср. с Оскаром у Таммсааре). Этот персонаж смиряется с трагизмом жизни и приходит к выводу о его неизбежной закономерности. Реминисценции из тургеневского «Фауста» обнаруживаются в романе не только на уровне темы и сюжета, но и на лексическом уровне. Один из важнейших эпизодов в тургеневской повести — это видение главной героини в критической для ее жизни момент (Вере представляется умершая мать, появление которой предвещает смерть).

В романе Таммсааре образ матери приобретает символическое значение, о матери идет речь в целом ряде эпизодов романа — в самые напряженные моменты взаимоотношений Оскара и Эрики. Когда их любовь лишь зарождается, мечты героев воплощаются в образе матери, одетой в белое. В этом эпизоде образ матери символизирует высокую любовь и ее недоступность для героев:

В такие минуты мы мечтали о чем-то далеком, <...> это существо в белом словно бы наша родимая мать, оставившая нас сиротами еще в раннем детстве [Там же: 236].

После того как Эрика оставляет Оскара, он вспоминает о матери как о воплощении изменившейся (изменившей ему) любви:

Зачем оно, если все погрузилось в сон, если вокруг лишь белоснежное молчание, словно кто-то вспоминает свою давно умер-

шую мать, которая любила надевать белое! Да, белое платье, с красной розой! [Таммсааре: 335].

Во время последней встречи героев образ матери трансформируется в призрак:

— Неужели моя мать? — спросила барышня с испугом.

— Вот именно, — подтвердил я. — Мне даже казалось, будто я вижу ее посреди белого поля, такой, какой вы мне однажды ее обрисовали, только красной розы у нее не было, розу неоткуда было взять. <...>

— Ведь моя мать умерла, — объяснила барышня.

— Но она была умершей и в то время, когда вы сами о ней заговорили, — возразил я.

— Тогда было иначе, все было иначе, — заявила барышня. — А сегодня я пришла сюда, чтобы исполнить ваше последнее желание [Там же: 369].

Ср. у Тургенева:

— Вера вдруг вырвалась из рук моих и, с выражением ужаса в расширенных глазах, отшатнулась назад...

— Оглянитесь, — сказала она мне дрожащим голосом, — вы ничего не видите? Я быстро обернулся.

— Ничего. А вы разве что-нибудь видите?

— Теперь не вижу, а видела. Она глубоко и редко дышала.

— Кого? что?

— Мою мать, — медленно проговорила она и затрепетала вся.

Я тоже вздрогнул, словно холодом меня обдало. Мне вдруг стало жутко, как преступнику. Да разве я не был преступником в это мгновение?

— Полноте! — начал я, — что вы это? Скажите мне лучше...

— Нет, ради бога, нет! — перебила она и схватила себя за голову.

— Это сумасшествие... Я с ума схожу... Этим шутить нельзя — это смерть... Прощайте... [Тургенев: 124].

Как в тургеневской повести, так и в романе Таммсааре, героиня умирает из-за невозможности соединиться с героем, и ее любви сопутствует внутреннее изменение (развитие)<sup>17</sup>. В обо-

<sup>17</sup> Ср. размышления Павла Александровича о *развивающей*, «воспитывающей» любви: «Я <...> как бы воспитываю ее; но и она, са-

их произведениях (в романе Таммсааре, возможно, в результате воздействия на писателя тургеневской повести) поступки главного героя соотносимы с Фаустом Гете, виновным в гибели Гретхен. Заметим, что в своих статьях 1920–1930-х гг. Таммсааре использовал восходящую к трудам Шпенглера идеологему «фаустовский человек». По Шпенглеру, это представитель современной европейской цивилизации; толкование идеологемы эстонским писателем было весьма близким к трактовке самого философа. В то же самое время можно заметить внутритекстовую полемику с Тургеневым как автором повести «Фауст»: Таммсааре убежден, что необходимо отстаивать свое право на любовь, а не подчиняться пассивно жизненным препятствиям (подобно Павлу Александровичу Тургенева и герою собственного романа Таммсааре).

В одной из своих ранних статей («О женском движении», 1906) Таммсааре писал о героинях романов Тургенева как о «притягательных женских типах», подчеркивая при этом, что во второй половине XIX в. именно тургеневские романы, а не радикальные тенденции в общественном движении стали внешним импульсом для формирования этического облика русской женщины:

Героини тургеневских произведений оказывают влияние на то, что в русской женщине так много стремлений, жизненных сил, жертвенности, самопожертвования. Эти душевные свойства могут реализоваться в примечательных поступках, если найдут для этого подходящие место и возможность [Tammsaare 1986: 113].

Несмотря на то, что в 1930-е гг. отношение Таммсааре к женской эмансипации существенно изменилось, его представление об исключительном влиянии тургеневских романов на поведение их читателей осталось прежним, т.к. оно хорошо соотносилось с идеей писателя о *преобразующей* роли литературы, в частности, в современном эстонском обществе.

Таммсааре, как и Тургенев, уверен в том, что историческое движение (прогресс) в обществе осуществляется посредством

---

ма того не замечая, во многом меня переделывает к лучшему» [Тургенев: 112–113].

медленного (эволюционного, а не «катастрофического») развития. Однако он убежден, что современная общественная ситуация неблагоприятна для духовного развития молодежи. Более детально этот вопрос писатель рассматривает в статье «О развитии нашей молодежи» (1936) и заключает:

Развитие зависит не столько от количества вещества, сколько от степени углубления в него. Избыток вещества ведет не к углублению, а к скольжению по поверхности [Tammisaare 1990c: 183].

Таммсааре находит, что система воспитания и образования молодежи ориентирована на «чужие» образцы, она слишком разносторонняя и поэтому поверхностная: «педагоги» и «воспитатели» не считаются с особенностями национальной культуры и спецификой национальной идентичности. Они недостаточно осознают, что без углубления в «свое» невозможно понять «чужое»: «Но развивать и воспитывать дух в только начинающих свое развитие культурах гораздо сложнее, чем тело» [Там же: 184]. Трудности испытывает и Оскар, главный герой романа «Я любил немку», который после «скольжения по поверхности» и блужданий по жизни и «чужим текстам», наконец, делает попытку осмыслить опыт своих заблуждений и создает свой собственный текст.

В романе «Я любил немку» Таммсааре указывает на творчество как важнейший импульс к духовному и нравственному совершенствованию («развитию») как личности (индивидуальности), так и нации. Очевидно, что писатель, чей литературный путь начался в эпоху модернизма, более всего верит в силу творчества и искусства. Однако роман является в то же время своеобразным *предостережением* эстонской интеллигенции: современные тенденции общественного и культурного развития могут стать причиной превращения забывших культуру своей страны интеллигентов в лишних людей. Следовательно, необходимо учиться на ошибках других наций, чтобы не повторять их в своем собственном историческом развитии.

## ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин: *Бахтин М. М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 199–250.
- Краснощекова: *Краснощекова Е.* Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997.
- Таммсааре: *Таммсааре А. Х.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1968. Т. 5.
- Тургенев: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1980. Т. 5.
- Annist: *Annist, August.* Tammsaare kui kultuurikriitik ja intellektualismi agoonia // Akadeemia. 1938. Nr 1. Lk 5–21.
- Grišakova: *Grišakova, Marina.* Mõtteid Tammsaarest, Nietzschest ja Dostojevskist // Vikerkaar. 2005. Nr 1–2. Lk 80–86.
- Hinrikus: *Hinrikus, Mirjam.* Naisküsimuse lahendus Weiningeri moodi. Otto Weiningeri minatud naised Tammsaare loomingus // Vikerkaar. 2005. Nr 1–2. Lk 87–118.
- Hubel: *Hubel, Eduard.* Eesti romaan 1935. aastal // Looming. 1936. Nr 4. Lk 432–434.
- Ligi: *Ligi, Katre.* “Tõde ja õigus” kriitikas // Looming. 1976. Nr 10. Lk 1729–1744.
- Siimisker: *Siimisker, Helene.* A. H. Tammsaare: Lühimonograafia. Tallinn, 1962.
- Sillaots: *Sillaots, Marta.* A. H. Tammsaare looming. Tartu, 1927.
- Raudsepp: *Raudsepp, Hugo* (1935). A. H. Tammsaare: Ma armastasin sakslast. Romaan. Noor-Eesti kirjastus, Tartu, 1935 // Looming. 1935. Nr 10. Lk 1150–1153.
- Tammsaare1986: *Tammsaare, A. H.* Naisterahva liikumisest // Tammsaare, A. H. Kogutud teosed. 15. köide. Publitsistika I (1902–1914). Tallinn, 1986. Lk 31–118.
- Tammsaare 1988a: *Tammsaare, A. H.* Sissejuhatuseks // Tammsaare, A. H. Kogutud teosed. 16. köide. Publitsistika II (1914–1925). Tallinn, 1988. Lk 619–649.
- Tammsaare 1988b: *Tammsaare, A. H.* Oswald Spengleri “Õhtumaa langus” // Tammsaare, A. H. Kogutud teosed. 16. köide. Publitsistika II (1914–1925). Tallinn. Lk 526–549.
- Tammsaare1990a: *Tammsaare, A. H.* Kultuurist ja demokraatiast // Tammsaare, A. H. Kogutud teosed. 17. köide. Publitsistika III (1926–1940). Tallinn, 1990. Lk 25–31.



- Tammsaare 1990b: *Tammsaare, A. H. Eessõna* [I. A. Gontšarov, “Oblo-mov”] // Tammsaare, A. H. Kogutud teosed. 17. köide. Publitsistika III (1926–1940). Tallinn, 1990. Lk 381–387.
- Tammsaare 1990c: *Tammsaare, A. H. Meie noorsoo arengust* // Tammsaare, A. H. Kogutud teosed. 17. köide. Publitsistika III (1926–1940). Tallinn, 1990. Lk 181–185.
- Tammsaare 1990d: *Tammsaare, A. H. Isamaa ja rahvuslus* // Tammsaare, A. H. Kogutud teosed. 17. köide. Publitsistika III (1926–1940). Tallinn, 1990. Lk 15–24.
- Teder: *Teder, Eerik. Järelsõna* // Tammsaare A. H. Kogutud teosed. 12. köide. Tallinn, 1984. Lk 195–205.
- Tuglas: *Tuglas, Friedebert. A. H. Tammsaare: Elu ja armastus (1934)* // Tuglas, F. Kogutud teosed 10. Kriitika VII. Kriitika VIII. Tallinn, 2004. Lk 286–290.
- Undusk: *Undusk, Jaan. Tammsaare, Baudelaire ja De Quincey* // Keel ja Kirjandus. 1991. Nr 8. Lk 491–495.
- Urgart: *Urgart, Oskar. A. H. Tammsaare: Ma armastasin sakslast. Roman. Noor-Eesti kirjastus, Tartu, 1935* // Eesti Kirjandus. 1935. Nr 12. Lk 568–570.
- Vene: *Vene, Ilmar. Tammsaare ja Dostojevski* // Keel ja Kirjandus. 2007. Nr 5. Lk 345–356.